

DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

УДК 314.373, ББК 65.24

© Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А.

Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии

Наталья Владимировна

ТОНКИХ

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tonkihmv@usue.ru

ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

Светлана Викторовна

БЕГИЧЕВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: begichevas@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0551-1622; ResearcherID: AAY-7562-2020

Татьяна Александровна

КАМАРОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

Для цитирования: Тонких Н.В., Бегичева С.В., Камарова Т.А. (2025). Влияние цифровизации занятости на родительские стратегии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 211–226. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

For citation: Tonkikh N.V., Begicheva S.V., Kamarova T.A. (2025). The impact of employment digitalization on parenting strategies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(6), 211–226. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.10

Аннотация. Цель исследования заключается в проведении сравнительных оценок количества детей и времени, затрачиваемого на уход за ними, у россиян репродуктивного возраста, представляющих нецифровые и цифровые (включая дистанционные) форматы занятости. Материалом послужила база данных выборочного наблюдения Росстата за использованием суточного фонда времени населением ($N = 27082$). Методология исследования основывается на комплексном подходе изучения цифровизации занятости, ключевым признаком которой является применение в работе информационно-коммуникационных технологий. На основании Общероссийского классификатора занятий к цифровой занятости отнесены: IT-специалисты; специалисты, активно использующие информационно-коммуникационные технологии в своей деятельности. Выявление статистически значимых отличий по среднему количеству детей проводилось между группами цифровой и нецифровой занятости, дистанционными и не дистанционными работниками и представителями гибких и других форматов рабочего графика. Также проверялись гипотезы о том, что у респондентов время на уход за детьми будет отличаться в зависимости от цифровизации занятости. Проведенный дисперсионный анализ показал, что рождаемость в группе работников цифровой занятости ниже, чем у тех, кто работает без применения информационно-коммуникационных технологий. Дистанционный формат работы не оказывает статистически значимого влияния на количество детей, однако гибкость рабочего графика демонстрирует определенное влияние: цифровизация занятости положительно сказывается на количестве времени, уделяемом детям, причем как матерями, так и отцами. Основные выводы исследования заключаются в следующем: цифровизация содержания труда не оказывает прямого влияния на репродуктивное поведение; расширение доступа к дистанционным форматам работы может положительно сказаться на рождаемости при условии гибкости рабочего графика. Данный аспект необходимо учитывать при формировании корпоративных мер социальной поддержки работников с семейными обязанностями.

Ключевые слова: цифровизация занятости, дистанционная (удаленная) работа, IT-специалисты, баланс работы и личной жизни, рождаемость, время на детей, работающие родители.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

Цифровизация высокими темпами проникает в жизнедеятельность человечества, в том числе в социально-трудовые отношения. Растет доля дистанционной занятости и занятости в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Внедрение цифровых технологий в сферу труда открывает как новые перспективы, так и новые проблемы, связанные с поиском соответствующих подходов к социальному нормированию режимов труда, характеру работы, организации рабочего места и правовым нюансам заключения нестандартных трудовых договоров (Колесникова, Стребков, 2020, с. 63).

На текущий момент завершен этап осмысления итогов форс-мажорного перевода части персонала в дистанционное поле занятости. Опубликованы результаты международных,

национальных и региональных социологических исследований о самочувствии работников, переведенных на удаленный формат работы (Гурова, 2020). Сформировался каркас представлений о преимуществах и недостатках дистанционных и гибридных форм занятости, учитывающих мнение как работников, так и работодателей. К числу основных преимуществ чаще всего относят экономию времени на дорогу и возможность гибко управлять своим рабочим временем (Руденко, Долженкова, 2020, с. 52). Основные минусы в контексте удаленного формата: отсутствие должной организации рабочего пространства в домашних условиях, стирание границ между работой и личной жизнью, проблемы учета рабочего времени — вызывают сверхзанятость и постоянные переработки (Коновцев и др., 2019, с. 11–12).

Полученный пласт эмпирических знаний не дает полных ответов на вопросы, касающиеся будущего развития удаленной занятости и цифровых технологий. В частности, остается нерешенным вопрос о том, как будут изменяться социальные стандарты и трудовые права в условиях растущей цифровизации. Учитывая, что традиционные формы контроля и управления персоналом утрачивают свою эффективность в условиях удаленной занятости, возникает необходимость разработки новых подходов к оценке производительности труда, соблюдения трудовой дисциплины и защите данных (Звягинцева, Исаенко, 2019, с. 154).

С точки зрения работодателей, цифровизация приносит новые вызовы. В частности, возрастает необходимость в обеспечении информационной безопасности, особенно это актуально, когда сотрудники работают из дома с использованием личных устройств для доступа к корпоративным системам. Более того, работодатели сталкиваются с трудностями в поддержании корпоративной культуры и вовлеченности сотрудников, что может негативно сказываться на командном духе, снижать уровень взаимодействия среди коллег, влиять на общую эффективность работы (Минченкова и др., 2023).

Глобальное проникновение современных технологий в сферу труда актуализировало проблемы баланса между работой и семейно-личной жизнью, а также вопросы эффективного совмещения цифровой занятости с временем, уделяемым детям. В современных исследованиях начинается формирование нового направления в экономике народонаселения, посвященного влиянию цифровизации социально-экономических и трудовых отношений на демографические процессы и трансформацию репродуктивных установок (Баранова, Катаев, 2022; Мосакова, 2023). В немногочисленных работах рассматривается влияние доступа к высокоскоростному интернету в профессиональной деятельности на репродуктивное поведение женщин (Калабихина и др., 2020). Удаленная занятость дает возможность женщинам эффективнее совмещать семейные и профессиональные обязанности, что согласуется с контекстом национальных приоритетов. В то же время отсутствие четких границ между работой и лич-

ной жизнью, ощущение социальной изоляции и увеличение уровня стресса могут выступать в качестве негативных факторов, способствующих снижению рождаемости (Русанова, 2020).

Актуальность изучения влияния цифровизации занятости на демографическое поведение подчеркивается рядом современных исследований, направленных на выявление причинно-следственных связей между удовлетворенностью жизнью, в том числе количеством детей в семье. Полученные результаты требуют дальнейших исследований из-за их противоречивости. Так, согласно исследованию А.Р. Калинина и Д.В. Юстратова, выполненного на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), была выявлена в среднем отрицательная связь между наличием хотя бы одного ребенка и уровнем удовлетворенности жизнью. Однако в Северо-Западном и Уральском федеральных округах наблюдается обратная зависимость: вероятность более высокой удовлетворенности жизнью возрастает среди респондентов с тремя и более детьми (Калинин, Юстратов, 2025). В условиях низкой рождаемости и старения населения актуально выявление значимых факторов, влияющих на формирование репродуктивных установок населения в отношении увеличения рождаемости, что необходимо для дальнейшей корректировки государственной демографической политики.

Настоящее исследование продолжает цикл работ по изучению влияния цифровизации занятости на социальные и демографические процессы развития общества. Ранее авторским коллективом уральской школы были проведены исследования по проблемам цифровизации занятости на материалах RLMS-HSE за 2011–2020 гг., результаты которых продемонстрировали наличие положительных социально-демографических эффектов цифровизации в трудовой сфере: среди родителей, активно использующих интернет в работе, среднее количество детей младше 18 лет значительно выше в сравнении с теми, кто его не использует; в группах родителей, применяющих интернет-технологии, наблюдается более высокий уровень удовлетворенности жизнью, работой и благополучием (Акулова, Тонких, 2023). Однако была выявлена некая условность получен-

ных результатов, обусловленная спецификой открытых материалов RLMS-HSE. Доступная исследователям база данных позволила только косвенно оценить вклад роста дистанционных форм занятости в социально-демографическое благополучие общества. Данная работа посвящена проверке результатов анализа социально-демографических эффектов цифровизации занятости, выполненного авторами на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

Цель нашего исследования заключается в проведении сравнительных оценок количества детей и времени на уход за ними у работающих россиян репродуктивного возраста, представляющих нецифровые и цифровые, в том числе дистанционные, форматы занятости.

Теоретико-методологическая рамки исследования

Совмещение оплачиваемой трудовой занятости с домашними обязанностями включая уход за детьми представляет собой актуальную тему исследований в области социально-экономических и демографических процессов, а также вопросов гендерного равенства в семьях работающих родителей. В таких исследованиях в качестве теоретико-методологической основы применяются теория баланса работы и личной жизни (Work-Life Balance, WLB), а также положения теории социального конструирования гендера (Lorber, 2018), рассматриваемые через призму гендерно-ролевой концепции двойного «бремени ответственности» (burden of responsibilities), которое возникает между оплачиваемой занятостью и неоплачиваемым домашним трудом (Kucowska, 2020). Основной массив гендерных исследований разделения домашнего и родительского труда осуществляется с использованием социологических методов сбора эмпирических данных. Опросы и обследования проводятся как государственными статистическими организациями, так и инициативными исследовательскими группами.

Результаты выборочных статистических обследований населения в XXI веке показывают, что женщины по-прежнему берут на себя большую часть работы по дому и уходу за детьми. Например, в Индии женщины уделяют уходу за детьми и заботе о пожилых, больных или инвалидах в среднем 4,47 часа в неделю, тогда как

мужчины тратят на эти обязанности лишь 0,88 часа в неделю (Hirway, Jose, 2011). Исследование бюджетов времени австралийских родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, показало, что забота о таких детях сократила время досуга работающих матерей, а у отцов время на уход за собой осталось неизменным (Brandon, 2007).

Однако в странах, где отмечается высокий уровень женской оплачиваемой занятости или ее динамичный рост, показатели времени, затрачиваемого женщинами и мужчинами на выполнение домашнего труда, сближаются. Факторами такого сближения являются также рост уровня образованности женщин и процессы трансформации гендерных ролей. Канадские исследования свидетельствуют, что затраты времени на уход за детьми у родителей обоих полов выросли в период с 1986 по 2015 год, несмотря на сокращение среднего числа детей в семье. Вероятно, это связано с переходом к более интенсивным методам воспитания. Тем не менее традиционное гендерное разделение домашнего труда сохраняется, женщины по-прежнему берут на себя большую часть работы по уходу за детьми (Frank, Frenette, 2021).

В выводах большинства исследований, проведенных в допандемийный период, утверждается, что работа на дому способствует облегчению совмещения профессиональных и семейных обязанностей. Это, в свою очередь, положительно сказывается на балансе между работой и семьей, поскольку отсутствует необходимость поездок на работу (Crosbie, Moore, 2004). Однако в ситуациях, когда родители работают из дома, у матерей, в отличие от отцов, увеличивается время, затрачиваемое на выполнение домашних обязанностей и уход за детьми (Hilbrecht et al., 2008). В некоторых исследованиях выявлены негативные последствия, такие как нарушение границ между работой и семейной жизнью, а также рост напряженности и стресса, обусловленный многозадачностью деятельности (Sullivan, Lewis, 2001). Тем не менее сторонники работы на дому подчеркивают главное преимущество данной модели занятости — гибкость в совмещении трудовых обязанностей не только с семейными и родительскими функциями, но и другими сферами жизни (Gregory, Milner, 2008).

Важно отметить, что пандемия COVID-19 способствовала росту интереса к проблематике баланса между работой и семьей в условиях дистанционной занятости. Сравнительный анализ последствий дистанционной работы из дома для родителей, имеющих на иждивении детей, в Польше и Швеции, отличающихся моделями гендерного разделения домашнего труда, показал, что мужчины в обеих странах обладают более высокими возможностями для сбалансирования работы с домашними и родительскими обязанностями по сравнению с женщинами. Однако разница между полами в Швеции менее выражена. В обществе с относительно равным распределением гендерных ролей (Швеция) негативное влияние работы на дому на способность сбалансировать профессиональные и личные обязательства затрагивает представителей обоих полов (Kurowska, 2020).

Кросс-национальные оценки ответов родителей, воспитывающих детей в возрасте до 12 лет, по данным онлайн-опроса 2021 года, проведенного в Канаде, Германии, Италии, Польше, Швеции и США, выявили положительную взаимосвязь между условиями дистанционной работы, балансом работа — семья и удовлетворенностью жизнью. Самооценка удовлетворенности балансом работа — семья у отцов и матерей была значительно выше в тех случаях, когда родители до пандемии работали в стандартном режиме и перешли на удаленную работу только в период пандемии. В группах респондентов, которые работали из дома и до пандемии, удовлетворенность балансом работа — семья была более высокой лишь в том случае, если они не работали сверхурочно (Kurowskaj, Cukrowska-Torzewska, 2025).

В России, где высокий интерес к дистанционной занятости возник в контексте пандемии (дистанционная занятость начала развиваться значительно позже, чем в развитых странах Америки и Европы), исследования также демонстрируют как отрицательные, так и положительные социальные и демографические эффекты (Логинов, Лопатина, 2021; Наберушкина, 2021). Гендерный анализ последствий перехода россиян на дистанционный формат работы в условиях пандемии показал, что многие мужчины и женщины, впервые столкнувшиеся с удаленной работой в этот период,

оценили дистанционные условия труда преимущественно положительно. При этом мужчины чаще, чем женщины, высказывали положительные оценки. Это может быть связано с тем, что у женщин сокращение времени на дорогу до работы отразилось на увеличении временных затрат на воспитание детей и организацию домашнего быта, в то время как у мужчин наиболее заметные улучшения наблюдаются в сегменте отдыха и общения (Тонких и др., 2025).

Пионерные исследования, посвященные влиянию наличия широкополосного интернета на рождаемость, выявили положительную взаимосвязь. В частности, в работе F.C. Billari, O. Giuntella и L. Stella на основе панельных данных опросов населения Германии было установлено, что среди женщин в возрасте 25–45 лет доступность широкополосного интернета оказывает положительное влияние на рождаемость в группе высокообразованных женщин, компетентных в сфере цифровой грамотности, что связывается с возможностью удаленной работы. Доступность широкополосного интернета в условиях низкой рождаемости, характерной для Европы, значительно увеличивает долю женщин, работающих удаленно или в условиях неполной занятости, кроме того, наблюдается увеличение времени, проводимого с детьми, а также рост уровня удовлетворенности жизнью (Francesco et al., 2019).

В работе И.Е. Калабихиной, выполненной на панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) по схожей методике, выявлена подобная положительная связь. В группе женщин со средним и высшим профессиональным образованием, обладающих доступом к высокоскоростному интернету, рождаемость значительно выше, особенно в возрасте от 25 до 49 лет. Учитывая, что средний возраст первых рождений сдвинулся ближе к 28 годам, можно заключить, что техническая и профессиональная возможность работать удаленно положительно отражается на рождаемости (Калабихина и др., 2020).

Таким образом, при анализе цифровизации занятости исключительно в контексте дистанционного или гибридного формата работы можно выделить ряд исследований, подтверж-

дающих наличие положительных социально-демографических эффектов, связанных с увеличением удовлетворенности балансом между работой и семьей, а также с принятием положительных решений о рождении детей.

Однако рассматривать цифровизацию занятости исключительно через призму цифровых форматов работы означает игнорировать комплексный характер данного феномена. Библиографический анализ научных публикаций позволил выделить два укрупненных подхода к определению цифровой занятости: узкий, когда под цифровой занятостью понимается исключительно дистанционная / удаленная работа, и комплексный, в рамках которого к цифровому сегменту относится занятость с использованием ИКТ и цифровых платформ в процессе выполнения трудовых функций (Камарова, Тонких, 2023, с. 569).

Авторам настоящей статьи близка позиция ряда ученых и практиков, которые включают в понятие цифровизации занятости внедрение информационно-коммуникационных технологий в трудовые функции, что приводит к трансформации содержания труда и отражается на его рынке через рост востребованности цифровых компетенций у работников (Алексеева, Сазонов, 2019). Цифровизация занятости предполагает не только использование цифровых форматов работы, но и создание цифровых продуктов, а также трансформацию содержательной сущности трудовых функций в связи с применением ИКТ.

Настоящее исследование основано на теоретическом посыле, предполагающем комплексный подход, согласно которому ключевым признаком отнесения вида занятости к цифровому является использование цифровых технологий в процессе труда. Организация труда цифровых работников может быть стандартной или дистанционной. Данное понимание находится в русле зарубежных классификаций, в частности не противоречит методике Еврофонда¹.

Указанная теоретическая рамка обуславливает специфику требований к методологии

формирования эмпирической базы данных. Данные должны обеспечивать возможность оценки временных затрат на детей, а также позволять сгруппировать респондентов на категории цифровой и нецифровой занятости. Кроме того, необходимо выделить среди респондентов тех, кто воспитывает детей.

С учетом указанных требований наиболее подходящим информационным источником являются выборочные обследования населения, проводимые методом самонаблюдения и фиксации респондентами временных затрат на различные виды деятельности в течение суток (с использованием дневников наблюдений).

Подобные выборочные обследования домохозяйств в сравнении с традиционными методами опроса населения позволяют получать более достоверную информацию о затратах времени на оплачиваемую занятость и родительский труд. Дело в том, что при проведении анкетных опросов респонденты часто основываются на воспоминаниях, и это искажает реальную картину. Метод последовательной фиксации респондентами своей деятельности в дневники самонаблюдения основан на использовании краткосрочного периода воспоминаний (сутки), что способствует минимизации искажений в отчетах. Кроме того, классификация видов деятельности, по которым фиксируется время в дневниках самонаблюдения, более детальна. Например, сравнительный анализ обследований населения Индии по социально-трудовым проблемам, выполненных разными методами, показал, что применение метода заполнения дневников наблюдения за использованием суточного времени обладает преимуществами в сравнении с анкетным опросом в плане детализации и полноты данных о трудовой активности. Альтернативное обследование рабочей силы (опрос), проводимое в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (МОТ) и ООН, фиксирует основную работу и одну или две вторичные работы, однако не учитывает мелкие работы, выполняемые за короткий срок в качестве наемного работника, а также неоплачиваемую деятельность для собственных нужд, не фиксирует затраты на родительский труд (Hirway, Jose, 2011).

Методология выборочных обследований суточного бюджета времени населения (Time Use

¹ Eurofound (2020). New forms of employment: 2020 update. New forms of employment series. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Survey, TUS) представляет собой широко распространенную международную практику. Заполнение дневников самонаблюдения за деятельностью в течение суток позволяет собирать информацию о затратах времени не только на оплачиваемую работу, но и на домашнее производство, социальную, общественную, родительскую и иную деятельность, включая отдых. Данные о том, как люди распределяют 24 часа в сутках, применяются для оценки влияния структуры затрат времени на доходы населения, финансовую безопасность, баланс между работой и личной жизнью, физическое здоровье, эмоциональное благополучие и общий уровень счастья.

Классификация и виды деятельности в течение периода бодрствования имеют национальную специфику. Например, в американской методологии обследования учитываются затраты времени на «пруды, бассейны и джакузи». Отметим, что время, затрачиваемое на уход за детьми, выделяется и детализируется в любых дневниках самонаблюдения. С помощью детализированных кодов TUS и персональной информации о респондентах возможно оценивать инвестиции родителей в детей, проводить агрегацию и детализацию использования времени по демографическим признакам, а также проверять гипотезы о ролях женщин на рынке труда и в домашних условиях (Hamermesh et al., 2025).

В заключение теоретико-методологического обзора отметим, что в настоящее время взаимосвязь между занятостью в профессиях с высоким уровнем использования информационных технологий и родительской сферой жизни остается недостаточно изученной и представляет собой лакуну в существующих научных знаниях. Применение комплексного подхода обуславливает научную новизну данного исследования, направленного на выявление социально-демографических эффектов цифровизации занятости как в контексте дистанционных форматов работы, так и в контексте традиционных форматов труда, характеризующихся интенсивным использованием ИКТ в профессиональной деятельности.

Материалы, методы и гипотезы исследования

С учетом вышеизложенного эмпирическая база авторского исследования была сформирована на основе микроданных последнего на мо-

мент подготовки данной статьи выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением за 2019 год (предыдущее обследование проводилось в 2014 году). Методология организации выборочного наблюдения представлена на сайте Росстата в разделах «Описание наблюдения» и «Материалы наблюдения»². Согласно методологии проведения выборочного обследования, респонденты фиксировали в дневниках наблюдений свои основные занятия в каждом 10-минутном интервале с 19:00 до 22:00. Например, записи могли включать следующие фразы: «Отвожу детей в детский сад», «Будила детей», «Помогала детям одеваться» и так далее. При обработке данных из дневников наблюдений все виды деятельности, связанные с детьми, были суммированы. Таким образом, в рамках нашего исследования под временем, проведенным с детьми (в уходе за детьми), понимается время, связанное с воспитанием и общением, транспортировкой и уходом за детьми.

Для проведения исследования взаимосвязей между типом занятости респондентов и социально-демографическими параметрами родительства использован следующий методический подход:

1) экспорт данных «Индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и более» (файл «IND.sav») и «Дневника использования времени для лиц в возрасте 15 лет и более» (файл «DIARYSVODO.sav») в формате sav; данные расположены на сайте Федеральной службы государственной статистики «Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением» в разделе «Микроданные»/«Политика доступа»;

2) объединение табличных данных по полю, содержащему индивидуальный код члена домохозяйства; для считывания и объединения данных были использованы следующие библиотеки языка R: библиотека Hmisc для загрузки файлов SPSS (файлы с расширением .sav); библиотека dplyr для объединения таблиц; при-

² Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения 06.09.2024).

менялось внутреннее объединение (тип объединения INNER JOIN), исключающее строки, которым нет соответствия в связываемой таблице;

3) отбор данных для проведения исследования осуществлялся с учетом следующих критериев: возраст респондентов — от 18 до 49 лет; участие в экономической деятельности — работающие/занятые в экономике.

Таким образом, в массив наблюдений были включены персональные характеристики и бюджеты суточного времени работающих мужчин и женщин в возрасте от 18 до 49 лет, занятых на условиях оплачиваемой трудовой деятельности. В общей сложности отобрано 27 082 наблюдения, что составляет 82% от общего числа участников в указанной возрастной категории.

Далее проводилась группировка респондентов по видам занятости в соответствии с комплексным подходом к пониманию феномена цифровизации занятости, отраженному в теоретических материалах данной статьи (табл. 1).

Перечень конкретных профессий первой и второй групп цифровой занятости соотносится с перечнем профессий, связанных с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий, по группам занятий, которые ежегодно публикуются Высшей школой экономики в кратких статистических сборниках по цифровой экономике³. Отбор наблюдений проводился по кодам «Общероссийского

классификатора занятий», которые указаны в микроданных наблюдений. Код ОКЗ определялся специалистами Росстата на основе ответов на вопрос № 10 Индивидуального опросника: «Кем Вы работали? Укажите название Вашей профессии, должности».

В наблюдениях, относящихся к категории цифровой занятости (IT-специалисты и специалисты ИКТ), также выделялись подгруппы респондентов, работающих дистанционно, и тех, кто осуществляет трудовую деятельность в других форматах.

Отбор наблюдений в группу дистанционной занятости осуществлялся на основе ответов на вопрос № 12 К 10: «На этой работе большую часть рабочего времени Вы ...?» — с вариантом ответа «работаете дистанционно (с использованием сети Интернет)».

Выдвинутые гипотезы исследования представлены в таблице 2 с указанием проверочных групп респондентов. Для проверки гипотез Н3 и Н4 были сформированы мужская и женская подвыборки респондентов, имеющих детей младше 18 лет. В указанных подгруппах также выделялись женщины и мужчины, работающие в формате гибкого графика, а также в других режимах. Группировка проводилась на основе ответов на вопрос № 14 К 11: «Какой у Вас график работы?» — с одним из вариантов ответа «Работа в режиме гибкого рабочего времени».

Таблица 1. Принцип группировки и характеристика отбираемых наблюдений в группы цифровой и нецифровой занятости

Цифровая занятость		Нецифровая занятость
1 группа: IT-специалисты	2 группа: Специалисты ИКТ	3 группа: Нецифровая занятость
Принцип отбора		
Специалисты, чья профессия связана с информационными технологиями: разработка, внедрение, совершенствование и обслуживание программных продуктов и компьютерных систем	Специалисты, интенсивно использующие информационно-коммуникационные технологии (интернет-технологии) в работе, но не являющиеся IT-специалистами	Респонденты, работающие без применения ИКТ в трудовой деятельности
Примеры отбора		
Отбор по кодам ОКЗ: ОКЗ 251 – Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений ОКЗ 252 – Специалисты по базам данных и сетям	Отбор по кодам ОКЗ: ОКЗ 241 – Специалисты по финансовой деятельности ОКЗ 231 – Профессорско-преподавательский персонал университетов	В группу попали наблюдения, не включенные в категорию цифровой занятости (по остаточному принципу)
Источник: составлено авторами.		

³ Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневецкий К.О. [и др.] (2023). Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Высшая школа экономики. Москва: НИУ ВШЭ.

Таблица 2. Соотнесение выдвинутых гипотез с проверочными подгруппами выборки

Выдвинутые гипотезы	Проверочные подгруппы
Н1: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе (далее будут обозначаться как «нецифровая занятость»)
Н2: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо отличаться в группе цифровой занятости у дистанционных работников и респондентов, работающих в других форматах занятости	1. IT-специалисты и специалисты ИКТ, указавшие дистанционный формат работы; 2. IT-специалисты и специалисты ИКТ, указавшие другие, не дистанционные форматы работы
Н3: Среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента будет статистически значимо отличаться в зависимости от графика работы	1. IT-специалисты, специалисты ИКТ и работники группы «нецифровой занятости», указавшие гибкий график работы; 2. IT-специалисты, специалисты ИКТ и работники группы «нецифровой занятости», не указавшие гибкий график работы
Н4: Среднее количество времени, затрачиваемое работающими женщинами на уход за детьми в расчёте на одного ребёнка младше 18 лет, будет различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	Женщины с детьми младше 18 лет в группах: 1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе / «нецифровая занятость»
Н5: Среднее количество времени, затрачиваемое мужчинами на уход за детьми в расчете на одного ребенка младше 18 лет, будет различаться в группах цифровой и нецифровой занятости	Мужчины с детьми младше 18 лет в группах: 1. IT-специалисты; 2. Специалисты ИКТ; 3. Работники, не использующие ИКТ в работе / «нецифровая занятость»
Источник: составлено авторами.	

Для проверки гипотез был применён дисперсионный анализ ANOVA, а для попарного сравнения — критерий Тамхейна. Статистическая обработка данных проводилась с использованием языка программирования R в среде разработки RStudio. При проведении сравнительных оценок не учитывался фактор перераспределения вре-

мени, затрачиваемого на уход за детьми, внутри семьи в случае, если респонденты принадлежат к одному домохозяйству. Это является ограничением для выводов данного исследования.

Представим половозрастную характеристику выделенных групп цифровой и нецифровой занятости (табл. 3, 4).

Таблица 3. Описательные статистики возраста респондентов в разрезе групп занятости

Группа занятости	Количество респондентов, чел.	Средний возраст, лет	Стандартное отклонение
1. IT-специалисты	519	33,67	6,505
2. Специалисты ИКТ	3 270	36,09	7,160
3. Нецифровая занятость	23 293	36,73	7,523
Всего	27 082	36,60	7,475
Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect			

Таблица 4. Структура наблюдений по полу в разрезе групп занятости, %

Группа занятости	Пол	
	Мужской	Женский
1. IT-специалисты	83,2	16,8
2. Специалисты ИКТ	35,7	64,3
3. Нецифровая занятость	46,7	53,3
Всего	46,1	53,9
Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect		

Средний возраст респондентов в группе IT-специалистов составил 33,67 года, что статистически значимо ниже, чем средний возраст работников в других выделенных группах (см. табл. 3). Наибольший возраст среди опрошенных респондентов наблюдается у тех, кто относится к категории «нецифровая занятость» (не используют ИКТ и интернет в своей профессиональной деятельности). В группе «IT-специалисты» наблюдается значительное преобладание мужчин (83,2% от общего числа специалистов в данной категории). В то же время в группах «специалисты ИКТ» и «нецифровая занятость» доминируют женщины, их доля составляет 64,3 и 53,3% соответственно. Различия в пропорциях мужчин и женщин статистически значимы для всех групп (см. табл. 4). Сравнение пропорций проводилось с использованием критерия χ^2 , результаты которого показали значимость различий на уровне $p = 0,000$.

Из 3789 наблюдений в сегменте цифровой занятости 6,5% работали преимущественно в дистанционном формате. Среди общего числа респондентов, имеющих детей младше 18 лет, в женской группе 8,8% участниц обследования трудились на условиях гибкого графика, в то время как в мужской подвыборке этот показатель составил 17,9%.

Результаты и обсуждение

В результате проверки гипотезы Н1 о наличии разницы в количестве детей у респондентов, представляющих цифровую и нецифровую

группы занятости, выявлены статистически значимые различия. При попарном сравнении с применением критерия Тамхейна было обнаружено, что среднее количество детей в семьях специалистов группы «нецифровая занятость» статистически значимо выше, чем в семьях групп «IT-специалисты» и «специалисты ИКТ» и группы 2 «использует интернет для работы» ($p = 0,014$ и $0,012$ соответственно). На *рисунке 1* визуализирован разброс среднего количества детей в разрезе видов занятости.

Статистически значимых отличий между количеством детей в подгруппах цифровой занятости не выявлено ($p = 0,294$). Таким образом, гипотеза Н1 была частично подтверждена. Разница в количестве детей в выделенных подгруппах может быть объяснена статистически значимым отличием в возрасте между представителями цифровой занятости и представителями нецифровой занятости. Современная демографическая статистика демонстрирует увеличение среднего возраста матерей при первых рождениях. Существует вероятность, что родители, работающие в сегменте цифровой занятости, в дальнейшем «догонят» представителей нецифровой занятости по количеству рожденных детей.

Для проверки гипотезы Н2 о наличии различий в количестве детей у респондентов в зависимости от дистанционного формата работы собраны и проанализированы данные по подгруппам цифровой занятости «IT-специалисты» и

Рис. 1. Среднее количество детей в семьях респондентов с разным видом занятости

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

«специалисты ИКТ», в связи с тем, что у респондентов, представляющих нецифровую занятость, дистанционный формат работы невозможен.

На *рисунке 2* представлено графическое соотношение среднего количества детей в семьях дистанционных сотрудников и всех остальных респондентов, относящихся к цифровой занятости.

Значение p -критерия, равное 0,279, указывает на то, что различия в количестве детей в семьях дистанционных сотрудников и всех остальных респондентов не являются статистически значимыми. Нулевая гипотеза не может быть отклонена, а альтернативная гипотеза H_2 не подтвердилась. Гипотеза о наличии отличий в зависимости от работы в дистанционном

формате проверялась также среди родителей, воспитывающих детей в возрасте до двух лет и в возрасте 3–6 лет. Статистически значимых отличий также не выявлено.

В ходе исследования была проведена проверка наличия статистически значимых отличий в количестве детей в зависимости от гибкости графика работы (гипотеза H_3). В группах родителей с детьми младше 18 лет статистически значимых отличий не обнаружено. Однако при сужении подвыборки до родителей, воспитывающих детей младше трех лет, такая разница была выявлена. В группе родителей с гибким графиком работы среднее количество детей в расчете на одного респондента статистически значимо выше (*рис. 3*).

Рис. 2. Среднее количество детей в группе цифровой занятости по формату работы

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Рис. 3. Среднее количество детей в возрасте от 0 до 3-х лет в среднем на одного респондента в разрезе графика работы

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Отметим, что проверка гипотезы в подгруппах цифровой и нецифровой занятости показала, что цифровизация содержания труда не оказывает влияния на количество малолетних детей в семьях. Указанная на рисунке 3 зависимость также наблюдается у представителей «нецифровой» занятости.

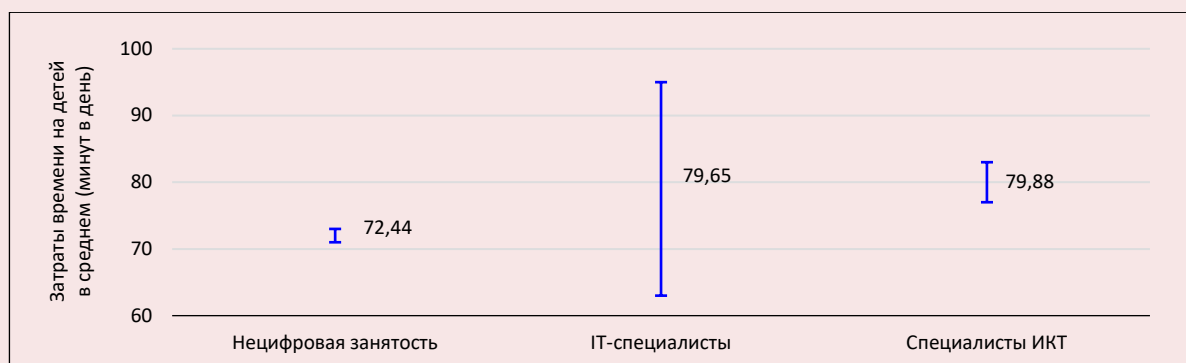
В рамках проверки гипотезы Н4 было создано графическое представление данных, которое визуализирует соотношение затрат времени на уход за детьми (в минутах в день) в расчёте на одного ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости (рис. 4).

При проверке нулевой гипотезы о равенстве средних затрат времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости был получен следующий

результат: женщины группы «специалисты ИКТ» проводят с детьми больше времени, чем женщины группы «нецифровая занятость» ($p = 0,06$). Статистически значимых отличий между средними затратами времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин группы «ИТ-специалисты» и группы «нецифровая занятость» не выявлено ($p = 0,114$). Статистически значимых отличий между средними затратами времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин группы «ИТ-специалисты» и группы «специалисты ИКТ» не выявлено ($p = 0,569$). Таким образом, гипотеза Н4 не подтвердилась.

Результаты проверки гипотезы Н5 о наличии отличий в количестве времени, уделяемом детям работающими отцами с разными типами занятости, графически представлены на рисунке 5.

Рис. 4. Соотношение затрат времени на уход за детьми (в минутах в день) в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у женщин с разным типом занятости

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

Рис. 5. Соотношение затрат времени на уход за детьми в расчёте на 1 ребенка младше 18 лет у мужчин с разным типом занятости, мин. в день

Составлено по: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением». URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

В ходе проверки нулевой гипотезы о равенстве средних затрат времени на уход за детьми в расчёте на одного ребёнка младше 18 лет у мужчин с различным типом занятости были получены следующие результаты: мужчины из группы «нецифровая занятость» тратят меньше времени на детей, чем мужчины из групп «IT-специалисты» и «специалисты ИКТ» ($p = 0,000$ для каждой пары сравнения). При этом статистически значимых различий между средними затратами времени на уход за детьми у мужчин из групп «специалисты ИКТ» и «используют интернет для работы» не обнаружено ($p = 0,511$). Таким образом, гипотеза H5 подтвердилась. Отцы, работающие в сегменте цифровых форм занятости, уделяют детям больше времени, чем те, которые работают без применения ИКТ.

Следует отметить, что в каждой из выделенных групп работающих родителей женщины тратят на уход за детьми в среднем в два раза больше времени. В группах «нецифровой занятости» и «специалистов ИКТ» это соотношение составляет 2:1, в то время как в группе «IT-специалистов» — 1,8:1.

Заключение

Результаты исследования подтвердили большинство выдвинутых авторами гипотез, в том числе гипотезу о взаимосвязи между рождаемостью и цифровизацией занятости. Однако характер этой взаимосвязи оказался отрицательным, а не положительным, как предполагалось по теоретическим материалам. Среднее количество детей до 18 лет у родителей в группе цифровой занятости статистически значимо ниже, чем у родителей, работающих без применения цифровых и интернет-технологий. При этом в рамках групп цифровой занятости (IT-специалисты и специалисты, активно использующие информационно-коммуникационные технологии в своей работе) статистически значимых различий в количестве детей не обнаружено. Объяснением выявленной разницы может служить статистически значимое отличие в возрасте респондентов: представители цифровой занятости, как правило, младше. Учитывая современную тенденцию к увеличению возраста матерей при первых рождениях, существует вероятность, что родители из сектора цифровой занятости в будущем «догонят» представителей

нецифровой сферы по количеству рожденных детей. Однако следует учитывать и риски сокращения рождаемости, связанные с дальнейшей цифровизацией. Эти риски обусловлены ростом квалификационных требований к работникам цифровых секторов, что приводит к необходимости увеличения сроков профессиональной подготовки, а повышение уровня образования женщин может оказывать отрицательное влияние на рождаемость.

Гипотеза о наличии различий в количестве детей у респондентов цифровой занятости в зависимости от формата работы (дистанционный или традиционный) не подтвердилась. Это касается как родителей, воспитывающих детей до двух лет, так и тех, кто воспитывает детей в возрасте 3–6 лет, где также не было выявлено статистически значимых отличий. Однако среди родителей с гибким графиком работы зафиксировано статистически значимое превышение среднего количества детей в возрасте 0–3 лет на одного респондента.

Результаты анализа бюджетов суточного времени работающих родителей свидетельствуют о сохранении в России традиционной гендерной модели распределения родительских обязанностей. Работающие матери в каждой из рассматриваемых групп занятости уделяют детям в два раза больше времени, чем отцы в тех же группах.

Выявлено положительное влияние цифровизации занятости на количество времени, уделяемого детям. Мужчины и женщины в группах цифровой занятости статистически значимо больше времени проводят с детьми, чем родители, работающие в традиционных секторах. Можно сделать вывод, что цифровизация занятости предоставляет больше гибкости в организации времени, что дает возможность совместно проводить время с детьми.

Полученные результаты не подтверждают выводы нашей предыдущей работы, основанной на материалах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2011–2020 гг., в которой было установлено, что среднее количество детей до 18 лет у респондентов, использующих интернет в профессиональной деятельности, статистически значимо выше, чем у тех, кто не использует интернет в рабочих

целях (Акулова, Тонких, 2023). Результаты нашего исследования не опровергают и не подтверждают выводы коллег о положительном влиянии доступности широкополосного интернета на рождаемость через опосредованную возможность работать удаленно (Francesco et al., 2019).

На наш взгляд, сравнительные оценки взаимосвязи дистанционного формата работы отцов и матерей со средним количеством детей, представленные в настоящей статье, обладают более высокой релевантностью, так как база данных выборочного обследования суточных затрат времени населением позволяет точно выделить группу работников, осуществляющих дистанционную работу. Выводы по RLMS-HSE за 2011–2020 гг. были сделаны с допущением, что респонденты, использующие интернет в работе, имеют возможность работать удаленно. Подобные допущения также были сделаны в работах, посвященных проведению сравнительных оценок рождаемости в зависимости от доступа к широкополосному интернету.

Таким образом, можно заключить, что цифровизация содержания труда не оказывает прямого влияния на репродуктивное поведение работников. Однако расширение доступа к дистанционным форматам работы мо-

жет положительно отражаться на рождаемости только при условии, если график работы будет гибким. Сам по себе удаленный формат не влияет на родительскую сферу. Именно гибкость графика работы является значимым фактором для успешного совмещения оплачиваемой работы с воспитанием малолетних детей и может положительно сказываться на репродуктивных планах. Считаем, что данный аспект необходимо принимать во внимание при разработке корпоративных мер социальной поддержки работников с семейными обязанностями. В рамках корпоративных социальных программ рекомендуется внедрять меры поддержки, такие как предоставление гибких режимов работы и дистанционных форматов трудовой деятельности. В качестве перспективных направлений исследований целесообразно рассмотреть проведение мониторинговых расчетов на основе материалов будущего выборочного обследования использования суточного фонда времени населением, а также осуществление «динамического» панельного анализа изменений формата занятости в контексте появления ребенка, используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

Литература

- Акулова П.Е., Тонких Н.В. (2023). Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 73. С. 174–185. DOI: 10.17223/1998863X/73/15
- Алексеева Н.В., Сазонов А.А. (2019). Анализ степени влияния цифровой экономики на формирование основных трендов на рынке труда и социально-трудовых отношений в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. № 2. С. 28–36. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-28-36
- Баранова Н.В., Катаев В.А. (2022). Вынужденная цифровизация и рождаемость: обзор дискуссий и статистики // Human Progress. Т. 8. № 3. С. 1–17. DOI: 10.34709/IM.183.1
- Гурова И. М. (2020). Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 11. № 2. С. 128–147. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147
- Звягинцева О.С., Исаенко А.П. (2019). Особенности коммуникации и мотивации дистанционных работников // Известия Дагестанского ГАУ. № 4 (4). С. 150–155.
- Калабихина И.Е., Абдуселимова И.А., Клименко Г.А. (2020). Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 6. С. 90–103. DOI: 10.38050/01300105202065
- Калинин А.Р., Юстратов Д.В. (2025). О взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и количеством детей в семье // Экономика и управление. Т. 31. № 7. С. 882–892. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-7-882-892
- Камарова Т.А., Тонких Н.В. (2023). Цифровизация занятости: понятийный аппарат // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 4. С. 554–571. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.4.554-571

- Колесникова О.А., Стребков А.А. (2020). Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. № 4 (41). С. 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67
- Конобевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. (2019). Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник университета. № 7. С. 9–17. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-7-9-17
- Логинов Д.М., Лопатина М.В. (2021). Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения // Народонаселение. Т. 24. № 4. С. 107–121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.9
- Минченкова О.Ю., Федоров А.С., Минченкова А.М., Федорова Н.В. (2023). Преимущества и риски новых форм занятости в условиях применения IT-технологий // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. № 1. С. 43–55. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-43-55
- Мосакова Е.А. (2023). Эра covid-19: как пандемия повлияла на гендерное неравенство и рождаемость (на примере стран БРИКС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 23. № 2. С. 284–293. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-284-293
- Наберушкина Э.К. (2021). Эмпирический замер отношения к дистанционной форме занятости в эпоху пандемии // Общество и экономика. № 7. С. 62–72. DOI: 10.31857/S013216250014446-3
- Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В. (2020). Дистанционная занятость: современные тенденции трансформации // Социально-трудовые исследования. № 4 (41). С. 50–56. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-50-56
- Русанова Н.Е. (2020). Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. № 4. С. 151–159.
- Тонких Н.В., Швецова А.В., Вербенская А.В. (2025). Субъективные оценки влияния дистанционного формата работы на трудовую, личную и семейную жизнь мужчин // Экономическая социология. Т. 26. № 3. С. 11–33. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-3-11-33
- Billari Francesco C., Giuntella O., Stella L. (2019). Does broadband Internet affect fertility? *Population Studies*, 73(1), 1–20. DOI: 10.1080/00324728.2019.1584327
- Brandon P. (2007). Time away from “smelling the roses”: Where do mothers raising children with disabilities find the time to work? *Social Science & Medicine*, 65(4), 667–679. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.04.007
- Crosbie T., Moore J. (2004). Work-life balance and working from home. *Social Policy and Society*, 3(3), 223–233. DOI: 10.1017/S1474746404001733
- Frank K., Frenette M. (2021). *Couples' Perceptions of the Division of Household and Child Care Tasks: Are there Differences between Sociodemographic Groups?* Ottawa: Statistics Canada. _
- Gregory A., Milner S. (2008). Work–life balance: A matter of choice? *Gender, Work and Organization*, 16 (1). 1–13. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00429.x
- Hamermesh D.S., Frazis H., Stewart J. (2005). Data watch the American time use survey. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 221–232. DOI: 10.1257/0895330053148029
- Hilbrecht M., Shaw M.S., Johnson L C., Andrey J. (2008). ‘I’am Home for the Kids’: Contradictory implications for work–life balance of teleworking mothers. *Gender, Work and Organization*, 15(5), 454–476. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00413.x
- Hirway I., Jose S. (2011). Understanding women’s work using time-use statistics. The case of India. *Feminist Economics*, 17(4), 67–92. DOI: 10.1080/13545701.2011.62228
- Kurowska A. (2020). Gendered effects of home-based work on parents’ capability to balance work with non-work. Two countries with different models of division of labour compared. *Social Indicators Research*, 151(2), 405–425. DOI: 10.1007/s11205-018-2034-9
- Kurowskaj A., Cukrowska-Torzewska E. (2025). Life and work-life balance satisfaction among parents working from home: The role of work-time and childcare demands. *Applied Research in Quality of Life*, 20(3), 1315–1338. DOI: 10.1007/s11482-025-10467-5
- Lorber J. (2018). The social construction of gender. In: *Inequality in the 21st Century*. Routledge. DOI: 10.25365/phaidra.46
- Sullivan C., Lewis S. (2001). Home-based telework, gender and the synchronization of work and family: Perspectives of teleworkers and their co-residents. *Gender, Work and Organization*, 8(2), 123–145. DOI: 10.1111/1468-0432.00125

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Тонких — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihmv@usue.ru)

Светлана Викторовна Бегичева — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: begichevas@mail.ru)

Татьяна Александровна Камарова — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Tonkikh N.V., Begicheva S.V., Kamarova T.A.

The Impact of Employment Digitalization on Parenting Strategies

Abstract. The aim of this study is to conduct a comparative assessment of the number of children and the time spent on childcare among Russians of reproductive age working in non-digital and digital (including remote) employment formats. The data source is the Rosstat sample observation database on the population's use of daily time budgets (N=27,082). The research methodology is based on a comprehensive approach to studying the digitalization of employment, the key feature of which is the use of information and communication technologies (ICT) at work. According to the All-Russian Classifier of Occupations, digital employment includes: 1) IT specialists; and 2) specialists who actively use ICT in their activities. Statistically significant differences in the average number of children were identified between groups with digital and non-digital employment, between remote and non-remote workers, and between representatives of flexible and other work schedule formats. Hypotheses that the time spent on childcare would differ depending on the level of employment digitalization were also tested. The conducted analysis of variance showed that the fertility rate in the group of workers with digital employment is lower than among those who work without using ICT. The remote work format does not have a statistically significant effect on the number of children; however, the flexibility of the work schedule demonstrates a certain influence: the digitalization of employment positively affects the amount of time devoted to children, both by mothers and fathers. The main conclusions of the study are as follows: the digitalization of job content does not have a direct impact on reproductive behavior; expanding access to remote work formats can positively affect fertility, provided there is flexibility in the work schedule. This aspect should be taken into account when developing corporate social support measures for employees with family responsibilities.

Key words: digitalization of employment, remote work, IT specialists, work-life balance, fertility, time for children, working parents.

Information about the Authors

Natalia V. Tonkikh — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkihmv@usue.ru)

Svetlana V. Begicheva — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: begichevas@mail.ru)

Tatyana A. Kamarova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Статья поступила 11.09.2025.